
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.4.066

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К. В. ПОДЪЯЧЕВ¹⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

На примере эпизодов начального периода Великой Отечественной войны рассматриваются особенности социального действия, характерные для советского общества. Отмечается, что война 1941–1945 гг. и Великая Победа до сих пор являются едва ли не главной идейно-культурной доминантой массового сознания и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь. Почти все граждане, независимо от этнической принадлежности, религиозных и политических убеждений, признают значение Великой Победы, хранят память о ней и гордятся вкладом своих предков в нее. Массовость движения «Бессмертный полк» подтверждает это лучше любых опросов. На основе концепции парадигмы социального действия, разработанной О. В. Аксёновой, показывается, как именно акторское действие (самостоятельное, ответственное поведение действующего субъекта) проявлялось в одиночных героических подвигах и в работе всей системы Советского государства в условиях такой экстремальной ситуации, как мировая война. Основой анализа служат воспоминания советских военачальников и данные исторической литературы. Делается вывод о том, что характерная для российской цивилизации акторская форма социального действия (свободного действия, ограниченного лишь ценностями) не только проявилась в экстремальных условиях войны, но и стала ключевым фактором достижения Великой Победы.

Ключевые слова: социология; история; цивилизация; советская власть; Великая Отечественная война; социальное действие; поведенческие мотивации.

Благодарность. Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 21-011-43046 «Цивилизационная специфика советского модерна: институциональные и ценностные основания»).

Образец цитирования:

Подъячев КВ. Особенности социального действия в советском обществе на примере Великой Отечественной войны. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:47–56.
EDN: SVZNBC

For citation:

Podyachev KV. Features of social action in Soviet society on the example of the Great Patriotic War. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:47–56. Russian.
EDN: SVZNBC

Автор:

Кирилл Викторович Подъячев – кандидат политических наук; старший научный сотрудник Центра изучения регионов России.

Author:

Kirill V. Podyachev, PhD (political science); senior researcher at the Center for the Study of Russian Regions.
kirkvik@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1342-7076>

FEATURES OF SOCIAL ACTION IN SOVIET SOCIETY ON THE EXAMPLE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

K. V. PODYACHEV^a

^a*Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, 24/35 Krzhizhanovskaya Street, 5 building, Moscow 117218, Russia*

In this article, on the example of a number of episodes of the initial period of the Great Patriotic War, the features of social action characteristic of Soviet society are considered. The war of 1941–1945 and the Great Victory to this day are perhaps the main ideological and cultural dominant of the mass consciousness in both the Russian Federation and the Republic of Belarus. Perhaps this is the only historical event that does not cause controversy. Almost all citizens, regardless of ethnicity, religious and political beliefs, recognise its significance, keep the memory of it and are proud of the contribution of their ancestors. The mass character of the «Immortal Regiment» annual event confirms this better than any polls. Based on the concept of social action paradigm invented by O. V. Aksenova, the author shows how exactly the actor's action (that is, the independent, responsible behaviour of the acting subject) manifested itself not only in single heroic deeds, but in the work of the entire system of the Soviet state in such an extreme situation as a world war. The basis of the analysis was the memoirs of Soviet military leaders and the data given in the historical literature. The author comes to the conclusion that the actor's form of social action, characteristic of Russian civilisation (free action limited only by values), not only manifested itself in the extreme conditions of the war, but became the main factor in achieving victory.

Keywords: sociology; history; civilisation; Soviet power; Great Patriotic War; social action; behavioural motivations.

Acknowledgements. The work was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 21-011-43046 «Civilisation specifics of Soviet modernity: institutional and value foundations»).

Введение

Великая Отечественная война – одно из центральных событий и российской, и белорусской истории. Для советского периода оно по праву считается главным. Тяжелейшие испытания, выпавшие на долю русского, белорусского и других народов СССР, принесли много горя, но дали мощный импульс к сплочению и осознанию общности исторической судьбы.

Война 1941–1945 гг. и Великая Победа до сих пор являются едва ли не основной идейно-культурной доминантой массового сознания. Пожалуй, это единственное событие в советской истории, которое не вызывает споров и кривотолков. За исключением крайне малой группы антисистемных политических деятелей, все – правые, левые, демократы, коммунисты, монархисты, православные, мусульмане, старообрядцы, буддисты – признают его значение, хранят память о нем и гордятся вкладом своих предков в него. Массовость движения «Бессмертный полк» подтверждает это лучше любых опросов.

Исследования Института социологии Федерального научно-исследовательского центра РАН, проводившиеся в российских регионах, показывают, что именно события ВОВ являются базисом, на котором строится если не все патриотическое воспитание подростков и юношества, то наибольшая его часть [1, с. 128]. В настоящей работе сделан акцент на том, что именно в период войны наиболее

отчетливо проявились как свойства политической и экономической системы, так и социокультурные характеристики советского общества.

В экстремальной ситуации, которой выступает масштабная война, люди проявляют глубинные психосоциальные свойства. Индивиды действуют исходя как из собственных психофизических качеств, так и из ценностно-мотивационных установок, усвоенных при социализации. Конечно, люди не являются одинаковыми и даже в схожих ситуациях могут поступать по-разному. Однако в глобальном масштабе, при массовых событиях, индивидуальные поступки складываются в общую картину, которая позволяет выявить сходные черты в действиях многих коллективов и отдельных личностей. Таким образом, возможно определить и то, модель какого типа социального действия была наиболее характерна для данного общества, и то, какие ценностные установки выступали для него ключевыми.

Данная работа не является специальным историческим исследованием. Она посвящена анализу советского культурно-цивилизационного феномена в целом. На материалах военной истории в статье показано, какая форма социального поведения была доминирующей среди командиров и рядовых бойцов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), какого рода ценностные установки проявились в этот период наиболее ярко.

Теоретико-методологические основания исследования

Социолог, затрагивающий методологическую проблематику, всегда должен учитывать двойственную природу социального. Противоречие между индивидом и институтом как «определенной организационной формой комплекса функций» [2, с. 105] представляется ключевым элементом исследовательского конструкта в настоящей работе. Само это противоречие и вытекающее из него напряжение существуют экзистенциально, они по природе свойственны человеческому обществу.

Одним из инновационных способов осмысления указанного противоречия является концепция парадигмы социального действия, разработанная О. В. Аксёновой. Согласно ей главный принцип, формирующий социокультурную специфику российской цивилизации, – это акторский подход к социальному действию, основанный на самостоятельной оценке ситуации и свободном выборе форм поведения действующим субъектом. Западная и дальневосточная (конфуцианская) культуры предполагают технологическую форму социального действия, т. е. ре-

шение стандартных задач стандартными методами и поведение под них жизненных ситуаций [3]. Разные культуры подразумевают принципиально разные подходы к образованию (и к социализации в целом). Технологический подход предусматривает не образование, а обучение, передачу умений и компетенций. Основой акторской модели, характерной для России и, надо полагать, Беларуси, выступают воспитание базовых ценностей и развитие навыка самостоятельно принимать решения исходя из этих ценностей и общих фундаментальных знаний.

По мнению автора статьи, данная концепция в сочетании с теорией активизма Турена [4] обладает наибольшим эвристическим потенциалом в изучении отечественной социокультурной специфики [5]. В этом контексте особое значение приобретает категория «актуализированные ценности», введенная в научный оборот И. А. Халий. Она обозначает набор ценностных представлений и нравственных принципов, которые люди не только признают правильными, но и согласно которым действуют [6, с. 262].

Эмпирическая основа исследования

Применять описанный конструкт к анализу событий ВОВ возможно с опорой в первую очередь на мемуарную литературу. Это основной метод работы, поскольку документы и специальные исторические исследования почти не отражают социокультурных установок участников тех событий. Анализ художественной литературы требует совершенно иного исследовательского инструмента. Главный способ выявления поведенческих мотиваций и актуализированных ценностей – качественные социологические исследования (глубинные интервью, фокус-группы, рефлексивные семинары по методу) – в данном случае не может быть использован¹.

Конечно, мемуарная литература – очень специфический источник. Изданные в советское время мемуары изобилуют дежурными хвалами в адрес коммунистической партии, ссылками на идеи К. Маркса, В. И. Ленина и другими обязательными для того периода атрибутами, которые нельзя воспринимать без скепсиса. Многие из того, что может быть интересным сейчас, для людей того времени казалось самоочевидным, поэтому они не считали нужным писать об этом. Немало важных подробностей или опускалось по политическим соображениям, или вымарывалось цензурой. Но все же мемуары несут на себе отпечаток живой личности, элемент социально-психологического портрета автора, содержат живые впечатления, а не только отвлеченные

постфактум-рассуждения профессионального историка. В этом смысле мемуары являются наилучшей из доступных замен интервью в том случае, когда общение с респондентом уже невозможно. Интерес представляют прежде всего не критические отзывы о высших руководителях, которые часто подвергались цензуре, а эпизоды боевой обстановки, бытовые наблюдения и прочие подобные факты, о которых авторы сообщают как о рядовых, общепонятных моментах. Именно в них, как правило, отражаются формы социального действия и актуализированные ценности, которые всегда находятся в фокусе исследовательского интереса. Но, даже ограничив таким образом эмпирическую базу, ученый все равно сталкивается с чрезвычайно обширным материалом. Его подробное изучение требует специального исследования, результатом которого могла бы стать отдельная монография, а не статья.

Данная работа ограничивается узким кругом источников и только начальным периодом войны, в наибольшей степени затронувшим и Россию, и Беларусь. Основой анализа послужили мемуары нескольких советских военачальников, представлявших высший командный, интеллектуальный (А. М. Василевский, Н. Г. Кузнецов) и армейский (К. К. Рокоссовский) уровни. Они дополняются воспоминаниями менее высокопоставленных участников событий (В. П. Скоробогатов, Е. М. Ржевская) и историческими материалами.

¹Военачальники тех лет давно скончались, а рядовых участников войны в живых осталось немного, к тому же они в крайне преклонном возрасте.

Результаты и их обсуждение

Модели социального действия и военно-гео-ретические принципы. Внезапность нападения, быстрое завоевание люфтваффе господства в воздухе, эффективное сначала использование тактики танковых клиньев и ряд других факторов – все это дало вермахту безусловное преимущество перед РККА и позволило в достаточно сжатые сроки продвинуться к Подмосковию и Крыму. Однако надо иметь в виду, что у гитлеровских войск, несмотря на крупные успехи, не получилось даже приблизиться к осуществлению цели, определенной планом «Барбаросса», а именно к выходу на линию Архангельск – Астрахань [7, с. 236]. Вермахту удалось достичь этой линии только 23 августа 1942 г. и лишь на небольшом участке под Сталинградом. При этом, несмотря на авантюризм Гитлера, нет оснований полагать, что германское командование создавало план, который не рассчитывало реализовать, ведь все стратегические планы 1939–1940 гг. были выполнены в полном объеме. Польша, Норвегия, Нидерланды, Бельгия, Франция были разгромлены и захвачены в короткие сроки [7, с. 13–123].

Что могло давать уверенность в том, что удастся выполнить и план войны против СССР? Надо полагать, что национал-социалистическая идеология, видевшая в славянах дикарей и «недолюдей», приводила к недооценке возможностей Советского Союза, способности его народа к сопротивлению. Добавлял уверенности немецким стратегам и трудный ход советско-финской войны [8, с. 96–98]. Но все же главным фактором была убежденность германского политического руководства и генералитета в превосходстве немецкой военной технологии. Еще со времен Фридриха Вильгельма I (1640–1688) и Фридриха II (1740–1786) в Пруссии, ставшей впоследствии политическим ядром объединенной Германии, выработался принцип «правильной войны», где победа рассчитывалась заранее с применением математических методов. При этом в армии «...система воспитания и обучения... сводилась к выработке у солдата механических действий. Солдат рассматривался не как человек, а как простой механизм» [9, с. 93]. Такой подход соответствовал одной из доминант немецкой культуры – принципу порядка (нем. *der Ordnung*). Развитие этой системы в конечном счете привело к милитаризации немецкого общества и германской мысли, что показано в работах классиков социологии М. Вебера, В. Зомбарта, Э. Трельча и др. Выдающийся социолог Р. Парк писал о том, как в Германии «...задолго до начала Первой мировой... война стала рассматриваться как национальная задача и лучшее поприще для проявления высших

добродетелей граждан. <...> Система образования страны, наука, производство, гуманитарные дисциплины – все было подчинено задачам милитаризации» [10, с. 119]. Уверенность в математической правильности, военной технологичности и стала главным фактором убежденности немцев в реалистичности плана «Барбаросса». В прямой цитате из дневника одного из нацистских лидеров Й. Геббельса указано²: «Это (нападение на СССР. – К. П.) произойдет примерно в течение одной недели. <...> Хорошо, что погода плохая и урожай еще не созрел. Таким образом, мы надеемся получить еще и большую часть этого урожая. Это будет массивное наступление самого большого масштаба. Наверное, самое большое, которое когда-либо видела история. Пример с Наполеоном не повторится. В первое же утро начнется бомбардировка из 10 000 орудий. Мы применим новые мощные артиллерийские орудия, которые в свое время были намечены для линии Мажино, но не были использованы. Русские сосредоточились как раз на границе. <...> Если бы они эшелонировались вглубь, то представляли бы большую опасность. Но в отношении материальной силы они вообще с нами не могут сравниться. Впереди нас ждет беспримерная победа» [11, с. 63].

С советской стороны также присутствовала переоценка своих возможностей, в значительной мере подогреваемая официальной пропагандой. При этом нельзя сказать, что она не имела под собой реальных оснований. Позднее в литературе и кинематографе бои 1941 г. были показаны как борьба плохо вооруженных, малочисленных советских солдат против многочисленной, вооруженной до зубов армады. На самом деле по состоянию на 22 июня 1941 г. РККА превосходила вермахт и в личном составе, и в танках, и в авиации [12, с. 27]. Оснащенность личного состава автоматическим оружием в вермахте была ниже, чем во многих частях РККА, немецкие танки «Panzerkampfwagen-3» по характеристикам существенно уступали советским танкам «Т-34» и «КВ», но военная технология – управление войсками, координация их действий, связь – в вермахте была на гораздо более высоком уровне. И вопреки приведенному убеждению Й. Геббельса значительная часть советских сил располагалась далеко от границы. В приграничных же районах силы гитлеровцев³ превосходили советские по живой силе в 1,8 раза, по танкам – в 1,5, по артиллерии – в 1,3, по авиации – почти в 3 раза [13, с. 298].

Главным принципом советской военной теории в то время была война на территории противника. Он активно поддерживался пропагандой, восхвалялся

²Цитата приведена по мемуарам Е. М. Ржевской, работавшей с подлинным текстом дневника в Берлине в 1945 г. до того, как он был сдан в закрытый архив.

³Имеется в виду не только вермахт, но и войска СС и союзников Германии.

в стихах и песнях: «И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом»⁴. Принципы кутузовской школы были забыты, более того, заклеены как пораженческие.

Встречались и рецидивы пролетарского интернационализма после XVIII съезда КПСС, отодвинутого в сторону. Некоторые граждане пытались агитировать немецких рабочих не воевать против СССР в силу пролетарской солидарности. На границе были установлены щиты с надписью: «Стой, здесь страна рабочих и крестьян!». В мемуарной литературе встречаются отзвуки этого наивного представления: «...как хотели мы верить в начале войны, что неразорвавшиеся бомбы, сброшенные на Москву, – это дело рук немецких товарищей, как искали любое подтверждение солидарности с нами и потом постепенно разуверились» [11, с. 90].

Бездумное методичное следование советских командиров этим доктринам оказалось одним из факторов быстрого успеха вермахта, особенно на белорусской территории. Британский историк недоумевал: «...не поддается никакому объяснению тот факт, что были демонтированы старые укрепления на линии границы до 1939 г. еще до того, как могли быть возведены новые, на новых рубежах» [14, с. 275]. Но это объясняется именно технологическим, механическим следованием советской наступательной доктрине. Старые укрепления затрудняли быстрое выдвижение в районы развертывания танковых колонн, поэтому и было решено как можно скорее их разобрать. И действительно, они не мешали перемещению танковых и механизированных частей. Но только немецких.

Стремление во что бы то ни стало реализовать принцип войны на территории противника привело к тому, что большие массы советских войск были двинуты в наступление без серьезной разведки. В результате части РККА перемерзали с немецкими войсками в белорусских лесах и попадали в окружение.

Установка ни в коем случае не сдавать Киев полностью противоречила принципам кутузовской школы и после прорыва немцев под Смоленском и Брянском уже не имела военно-стратегического значения, но по идейно-политическим мотивам командование продолжало твердо и неуклонно следовать ей [8, с. 145]. Результатом стало окружение и разгром вермахтом Юго-Западного фронта 17–20 сентября 1941 г.

Таким образом, попытки советского командования действовать технологически, четко придерживаясь заранее утвержденного плана и инструкций, в первые дни и недели войны привели к крупным поражениям Красной армии.

Актор и управленческая система: действие в экстремальной ситуации. На фоне тяжелых поражений в июне – сентябре 1941 г. выделяются примеры совершенно иного рода. Оборона Брестской крепости, ставшая легендой народов России и Беларуси, представляет собой один из наиболее показательных эпизодов. Ее защиту можно сравнить с защитой бельгийской крепости Эбен-Эмаэль в мае 1940 г. В военно-техническом отношении бельгийская крепость, построенная с учетом опыта Первой мировой войны, превосходила Брестскую крепость настолько, насколько современный авианосец превосходит парусный корабль с бронзовыми орудиями. В отличие от Брестской крепости, стоявшей в равнинной местности, крепость Эбен-Эмаэль была расположена на господствующей высоте. Ее часть была встроена в массив скалы и являлась неуязвимой для артиллерийского огня. Система вооружения крепости включала бронированные (в том числе подвижные) купола с пушками. Боеприпасов и продовольствия было запасено на 30 суток.

Вермахт взял Эбен-Эмаэль, применив высокотехнологичную, инновационную методику штурма. Внезапная атака малочисленного десанта в составе 85 человек (при гарнизоне крепости в 1200 человек), высаженного с планеров, привела к быстрому захвату центра крепости. Десантники вывели из строя артиллерийские бронекупола, испортили оптические приборы, заблокировали входы в казематы [7, с. 92]. Лишившись связи, гарнизон Эбен-Эмаэля немного подождал деблокады, а когда таковая не произошла, сдался. Операция заняла 30 часов.

При атаке Брестской крепости немцы применили ту же методику [12, с. 36], только без воздушного десанта, но результат был совсем иным. Оставшись без связи (т. е. не получая приказов, что для технологической модели принципиально), советские бойцы не сдались и не разбежались. Они самоорганизовались, подчинившись малознакомым офицерам, и сражались до конца. Последние защитники крепости были убиты или пленены врагом только в конце июля! Эта история известна многим, особенно в Беларуси, но важно подчеркнуть, что все это происходило при полном отсутствии связи у советских бойцов. Они не только не получали приказов, но даже не знали о ходе войны и судьбе страны. За месяц капитулировала Франция – великая держава. Может быть, советское правительство уже пошло на соглашение с Гитлером? Но так не думали, ведь это полностью противоречило ценностным представлениям советских защитников. Такое поведение вполне соответствует акторской модели действия.

Этот подход проявлялся и в дальнейшем, только усиливаясь по мере продвижения вермахта вглубь

⁴Если завтра война / Тексты песен // Кино-театр.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/13784/song/> (дата обращения 13.09.2022).

страны. Еще раз следует обратить внимание, что деконструировать модель социального действия крайне сложно даже в интервью, а при работе с мемуарной литературой это сделать еще сложнее. Самое важное заключается в том, что, когда очевидцы приводят примеры такого действия, они пишут об этом как о чем-то не вызывающем удивления.

Когда К. К. Рокоссовский получил назначение на Западный фронт для организации обороны под Ярцево (Смоленская область), где, в сущности, армию предстояло создать с нуля, он даже не ставил вопрос о том, чтобы получить разрешение на какие-либо самостоятельные, не вполне уставные действия. Для него это было абсолютно естественно, и, что важно подчеркнуть, не только для него. Кто-то из высшего командования сказал ему: «...подчиняйте себе все, что найдете по дороге от Москвы до Ярцево» [15, с. 25]. Такой приказ свидетельствует о полном доверии конкретному человеку – актору, а не системе или институту. Вместе с тем приказ отдается устно, в деловой обстановке, значит, воспринимается как некий проходной момент. Это пример не просто актерского поведения, а формата самой системы, который учитывает актерское действие, опирается на него. Впервые к указанному выводу пришла О. В. Аксёнова, изучавшая сообщество технических специалистов. Так, рассматривая действия советских ядерщиков и энергетиков во время Чернобыльской аварии, она пишет: «Это дает основание предполагать наличие в российской культуре традиции поведения человека в ситуации хаоса, а стремительность, с которой были стерты громоздкие ведомственные и бюрократические барьеры, – традиции организованных действий в чрезвычайных условиях. Система управления ликвидацией последствий катастрофы формировалась в зависимости от задач, она при этом была изначально централизована, что позволяет быстро мобилизовать ресурсы, но ее отдельные элементы обладали достаточно большой степенью свободы, во всяком случае значительно большей, чем элементы гибкой системы» [3, с. 208]. Такое явление присутствовало ранее в совершенно иной среде. Можно полагать, что в литературе оно не отмечалось современниками, потому что было настолько распространено, что воспринималось ими как нечто абсолютно самоочевидное.

Следует привести еще несколько примеров. В 1930-х гг. в РККА вводилась так называемая ячеичная система обороны. Ее суть состояла в том, что бойцы располагались не в длинных окопах целыми подразделениями, а по одному-два в ямах-ячейках. Последние размещались линейно или в шахматном порядке с таким расчетом, чтобы пространство между ними полностью простреливалось. Это давало возможность удерживать большой участок фронта

меньшими силами и существенно снизить потери от артиллерийского огня и воздушных бомбардировок. Данная система была разработана на основе опыта Первой мировой войны (когда потери от артиллерийского огня при больших скоплениях войск были очень велики) и считалась новым словом в военной науке. В реальной боевой обстановке она оказалась непригодной. К. К. Рокоссовский, прибыв на передовую, решил лично проверить условия, в которых находятся бойцы. Он так вспоминал об этом: «Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не чувствовал. <...> Я, старый солдат, участвовавший во многих боях... чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. <...> Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности ему хочется видеть рядом с собой товарища... Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру подразделения обязательно нужно видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить» [15, с. 40]. Обсудив возникшую ситуацию на собрании офицеров, К. К. Рокоссовский приказал отменить ее и немедленно приступить к рытью траншей. Эта мера была согласована с командованием фронта уже задним числом. В данном эпизоде просматривается и значение личностных качеств командира (стремление лично проверять положение рядовых бойцов), и ориентация на традицию (ссылка на пословицу), и, главное, готовность к самостоятельному действию не только генерала, но и офицеров, поддержавших его в этом вопросе. Такое восприятие ячеичной системы можно отнести на счет русского коллективизма, консерватизма, но факт остается фактом: хотя с возвращением прежней окопной обороны потери возросли, «дело пошло на лад... оборона стала крепче» [15, с. 40].

В то же время К. К. Рокоссовский решился на то, чтобы без согласования с центром, на свой страх и риск отменить ряд инструкций по секретности для «катюш», поскольку «применение установок на фронте ограничивалось в целях секретности такими инструкциями, что, бывало, хоть отказывайся от использования» [15, с. 42].

Будучи в этом отношении весьма самостоятельным, К. К. Рокоссовский ценил такие качества и у подчиненных. С большой симпатией он писал о генерале А. Лобачёве, главными качествами которого называл «живой ум, организаторский талант и большевистское умение учиться у жизни» [15, с. 32] (последнее, конечно, с большевизмом никак не связано, но является свойством актера), а также о полковнике А. Лизюкове: «...среди опасных неожиданностей... он чувствовал себя как рыба в воде» [15, с. 32] (также

акторское качество, ведь человек, привыкший действовать технологически, при столкновении с неожиданностями испытывает большие сложности).

Весьма показательно еще одно наблюдение К. К. Рокоссовского. Дело было под Ярцево, когда советские бойцы массово побежали от наступающих немцев, но командирам удалось пресечь панику, остановить бегущих, в результате противника удалось отразить. Маршал рассказывал: «Среди бегущих – солдат, такой усач, из мобилизованных, хлебнувший Первой [мировой] войны. Он бежит и покрикивает: “Команду подай! Кто команду даст?! Команда нужна!” Что-то созрело в нем, и он сам гаркнул: “Стой! Ложись! Вон противник – огонь!” Я этого усача и сейчас представляю как живого» [15, с. 32].

В параметрах упомянутой концепции социального действия поведение этого бойца нельзя оценить иначе как актерское действие. Старый солдат, издавна воспитанный в армейской дисциплине, стал действовать акторски, самостоятельно только в экстремальной ситуации, но, что важно, оказался на это способен. И еще важнее то, что маршал К. К. Рокоссовский пишет об этом просто как о заповнившемся боевом эпизоде, а не как об исключительном событии. Его не удивляло подобное поведение не то что офицеров, а рядовых бойцов.

Любопытен пример Военно-морского флота СССР, который с начала войны оказался в сложном положении и, по мнению многих, не проявил себя должным образом, как организованная боевая сила. Уже в советской литературе действия флотского командования подверглись критике. Низко оценивали их и немецкие адмиралы в своих мемуарах. Прежде всего осуждалась практика участия морских подразделений в совместных действиях с сухопутными войсками. Отвечая на критику, возглавлявший советский флот в годы войны адмирал Н. Г. Кузнецов писал: «На деле в этом была сила нашего флота. <...> Моряки действовали, сообразуясь с общей стратегией: сражаться с врагом, где бы ни довелось – на море, в воздухе или на суше. Именно поэтому наша флотская авиация часто видела главную задачу в подавлении сухопутных объектов, оставляя в стороне чисто флотские объекты. Когда потребовалось, флоты дали сотни тысяч человек, сформировав части морской пехоты, дравшейся... почти на всех фронтах» [16, с. 26].

В то же время руководители флота фашистской Германии думали о чисто морских операциях и самостоятельной стратегии. «В итоге снижалась успешность действий и сухопутных войск, и флота» [16, с. 27]. Эта аргументация именно в устах адмирала очень показательна. Флот – наиболее технологичный род войск, требующий максимальной дисциплины, строгой субординации, точного соблюдения технических нормативов. И тем не менее

здесь видна склонность к большей свободе мысли, широкому взгляду, подчиненному не конкретной инструкции, а совместной цели. То, что адмирал называет общей стратегией, другими словами можно назвать общими ценностями, которые и являются базисом актерского поведения. Важно не только то, что указанный взгляд демонстрируют отдельные военачальники, но и то, что таким образом могли действовать и их подчиненные.

Вполне актерские качества показали советские летчики в ходе налетов на Берлин в августе 1941 г. В тех условиях (полное господство в воздухе люфтваффе, отсутствие в Военно-морском флоте СССР авианосцев) это казалось авантюрой: «...с одной стороны... такую операцию провести можно. С большим риском, на пределе, но можно. С другой – какая огромная ответственность... если полет оказался бы неудачным» [16, с. 35]. Военно-стратегического смысла эти налеты не имели, но в ситуации тяжелого положения на фронтах могли дать важный морально-психологический эффект. Исходя из подобных соображений, командование согласилось на такую операцию. Налет 8 августа 1941 г. был успешным, ни один советский самолет не был потерян. Хотя немцы усилили противовоздушную оборону, налеты были продолжены. Советским летчикам «каждый раз приходилось разрабатывать особую тактику» [16, с. 39]. И они справились с этой задачей. Налеты на Берлин были в целом успешными и продолжались до 5 сентября 1941 г., когда немцы заняли всю Эстонию. Базы советской авиации, откуда можно было достичь Германии, оказались потеряны.

Противостояние актерства и технологии: пример обороны Москвы. После сказанного закономерен следующий вопрос читателя: «Если советские бойцы и офицеры обладали такой актерской способностью, как же так получилось, что немцы дошли до Москвы и Сталинграда?» Ответ состоит в том, что сама по себе актерская способность, доминирующая модель социального действия, не является априорным преимуществом в столкновении с технологической моделью. Мужество и героизм не помогут, если приходится сражаться копьями против пулеметов. Способность к актерскому действию есть шанс, который можно использовать, а можно и потерять.

Пять советских армий, окруженных под Вязьмой (Смоленская область) в октябре 1941 г., не капитулировали, что по понятиям военной теории должны были сделать, а в большинстве своем сражались до последней возможности. Советская литература в основном умалчивает об этой истории или приводит крайне скудную информацию о ней. Есть сведения о том, что в окруженных армиях в условиях дезорганизации командования, смешения частей, гибели многих командиров бойцы самоорганизовывались. Проходили собрания партийных ячеек или

общие сходы бойцов, на которых принималось решение не сдаваться⁵. Это был не просто акт героического самопожертвования. Данное действие имело серьезный военно-стратегический эффект. Маршал А. М. Василевский отмечал: «Бессмертной славой покрыли себя наши войска, сражавшиеся в районе Вязьмы. Оказавшись в окружении, они своей героической борьбой сковали до 28 вражеских дивизий. В тот необычайно тяжелый для нас момент их борьба в окружении имела исключительное значение, так как давала нашему командованию возможность, выиграв некоторое время, принять срочные меры по организации обороны» [8, с. 151].

При защите Москвы эта особенность проявилась сильнее, став существенным элементом тактики. Командование, не имея достаточно танков, артиллерии и особенно авиации для противостояния немецким танковым армиям, стало применять инновационные способы ведения боя. Как указывал К. К. Рокоссовский, новые методы часто изобретались на месте, буквально в бою, и, показав эффективность на одном участке, затем вводились на других: «...поощрялась любая полезная инициатива, и это давало хорошие результаты» [15, с. 82]. Так, например, создавались смешанные подвижные группы из артиллеристов, кавалеристов и пехотинцев. Применяли даже отдельные кочующие танки и орудия. Зенитную артиллерию приспособили для борьбы с танками. Саперов посадили на автомобили, а при нехватке таковых – на крестьянские подводы, чтобы можно было быстро перемещаться и ставить минные заграждения на узких участках прорыва противника. Командирам тактических групп дали большую свободу действий. Наконец, применяли малыми силами фланговые удары, совершенно безумные с теоретической точки зрения, ведь они не могли остановить наступление противника. Однако для отражения этих ударов немцам приходилось поворачивать танки – танковые клинья распадались и вермахт терял ключевой элемент своей технологии. В результате немцам не удалось захватить Москву, в ходе контрнаступления в декабре 1941 г. враг был отброшен, стратегия блицкрига провалилась. Инициативы рождались на

местах – в полках и батальонах. Командование умело их оценить, а офицеры и бойцы могли быстро их усвоить и усовершенствовать.

Установку не сдавать Москву сохраняли, но на практике командование было готово и к наихудшему развитию событий. На тот случай, если Москву пришлось бы оставить, строились оборонительные рубежи восточнее города, например возле г. Вязники Владимирской области, расположенного почти в 300 км к востоку от Москвы (лесные завалы у деревень Мокрое и Симонцево, линия противотанковых ежей в д. Чудиново, линии окопов и противотанковые рвы у пос. Мстёра и г. Вязники) [17, с. 32].

Распространенный в советской литературе штамп «массовый героизм» не был пропагандистской выдумкой. Подвиги панфиловцев и Зои Космодемьянской широко известны. Таких эпизодов в действительности было очень много. В качестве примера можно привести показания немецкого солдата, захваченного во время боев в Калмыкии⁶: «...ваши вели себя мужественно все время. Вот в них будут стрелять, а они смотрят на нас с таким презрением. Даже было жутко от их взглядов. Одна фрау начала кричать. Я сначала подумал, что ее нервы не выдержали. Но переводчик сказал, что фрау призывала своих не просить пощады» [18, с. 68]. Из свидетельства также известно, что фашисты расстреливали советских воинов не одновременно, а поодиночке. Они надеялись, что оставшиеся в живых будут просить пощады. Но этого не произошло [19, с. 68]. Имена героев до нас не дошли.

В блокадном Ленинграде также не было следования инструкции или подчинения силе принуждения. О каком страхе перед НКВД можно говорить, когда мучительная смерть стоит рядом? Уместно привести слова современника: «...подвиг ленинградцев вызван не угрозой уничтожения. Нет, тут было другое: простое и непреложное желание защитить свой образ жизни. Мы не рабы, рабы не мы, мы должны были схватиться с фашизмом, стать на его пути, отстаивать свободу, достоинство людей» [19, с. 41]. Это характерное для акторского подхода следование общим ценностям.

Заключение

Технологическая модель социального действия, заложенная в традиционном прусском принципе *der Ordnung*, достигла, вероятно, высшего развития в экономической организации рейха, стратегической и тактической концепциях вермахта. Армии европейских государств, военная школа которых также опиралась на технологический принцип, но

находилась на более низком уровне, были побеждены в смехотворно короткие сроки.

Советская армия в начале войны потерпела неудачу именно тогда, когда действовала технологически, пытаясь выполнять инструкции. Так, стремление механически осуществлять заложенный в советской военной доктрине принцип войны на территории

⁵Материалы мемориального музея «Богородицкое поле» // Хмелита. Музей-заповедник А. С. Грибоедова [Электронный ресурс]. URL: <https://khamelita.com/o-muzee/muzej-i-filialy> (дата обращения: 13.09.2022).

⁶Речь идет о самом восточном участке фронта, месте наибольшего за всю войну продвижения немцев вглубь СССР.

противника летом 1941 г. привело только к масштабным окружениям и пленению множества бойцов РККА. Когда стал использоваться иной метод действия, свободный, заключенный только в рамки ценностной матрицы защиты Отечества, ситуация стала меняться.

Маршал А. М. Василевский, один из крупнейших советских полководцев, дважды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа»⁷, писал: «Повиновение, держащееся на страхе перед наказанием, немногого стоит. Лишь только армия попадет в тяжелые боевые условия, от такого повиновения не остается и следа. Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам. Это всегда понимали передовые русские офицеры. Они строили свои взаимоотношения с подчиненными на уважении их человеческого достоинства... Особенно запали мне в сердце слова М. И. Драгомирова. Он еще в 1859 году... начал разрабатывать свой тезис о решающем значении нравственного фактора в военном деле» [8, с. 23]. Это актерский подход в чистом виде. Причем особенно важно отметить, что ни в одном из рассмотренных автором источников этот момент не подчеркивался. И, как представляется, не выделялся именно потому, что был самоочевидным. Уже в период отступления 1941 г. он проявился при обороне Москвы.

Даже на относительно бедном эмпирическом материале можно увидеть, как характерная для

русской цивилизации актерская форма социального действия, ограниченного лишь ценностями (основными среди них выступают защита Отечества и неприятие расизма в любой форме), не только проявилась в экстремальной ситуации, но и стала основным фактором достижения победы.

Важно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, массовость героизма и то, что в большинстве случаев он воспринимался участниками событий не как чудо, а как норма поведения, свидетельствуют о распространенности определенных ценностных установок, сопряженных сугубо с внутренним локус-контролем, ведь в окружении или у расстрельной стенки внешний контроль уже невозможен. «Мы могли отойти: командиров там не было... Мы могли отойти – только мы не смогли отойти: за спиной Россия была» [20, с. 77]. Это признак актерского действия, которое рассматривается как норма.

Во-вторых, актерское поведение – это не столько героическая самоотверженность, сколько способность к свободному (а не к схематичному) мышлению и основанному на нем действию. Но в отличие от массового героизма этот элемент ускользал от внимания советских и постсоветских исследователей.

Синергия системы и актора в полной мере реализовала свой потенциал в Сталинградской битве. В ходе нее именно характерная для русской цивилизации модель социального действия обеспечила решительную победу.

Библиографические ссылки

1. Подъячев КВ. Патриотическое воспитание молодежи как поле взаимодействия политических институтов и гражданского общества в регионах РФ. *Социологическая наука и социальная практика*. 2015;4(12):126–136.
2. Щепаньский Я. *Элементарные понятия социологии*. Чеснокова ВФ, переводчик; Рывкина РВ, редактор. Новосибирск: Наука; 1967. 247 с.
3. Аксёнова ОВ. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации*. Москва: Институт социологии РАН; 2016. 304 с.
4. Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. Москва: Научный мир; 1998. 204 с.
5. Подъячев КВ. Изучение особенностей социального развития России и гносеологические парадигмы: к вопросу о методологическом базисе современных социологических исследований. *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. 2018;18(4):366–372. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372.
6. Халий ИА, редактор. *Актуализированные ценности современного российского общества*. Москва: Институт социологии РАН; 2015. 273 с.
7. Гречко АА, редактор. *История Второй мировой войны, 1939–1945. Том 3*. Москва: Воениздат; 1974. 504 с.
8. Василевский АМ. *Дело всей жизни: воспоминания*. Москва: Политиздат; 1973. 607 с.
9. Строков АА, редактор. *История военного искусства*. Москва: Воениздат; 1966. 3 т.
10. Здравомыслов АГ. *Поле социологии в современном мире*. Москва: Логос; 2010. 410 с.
11. Ржевская ЕМ. *Берлин, май 1945. Записки военного переводчика*. Москва: Издательство ДОСААФ СССР; 1975. 240 с.
12. Гречко АА, редактор. *История Второй мировой войны, 1939–1945. Том 4*. Москва: Воениздат; 1975. 536 с.
13. Верт Н. *История Советского государства. 1900–1991*. Москва: Прогресс-академия; 1995. 544 с.
14. Хоскинг Дж. *История Советского Союза. 1917–1991*. Москва: Вагриус; 1995. 512 с.
15. Рокоссовский КК. *Солдатский долг*. Москва: Воениздат; 1968. 384 с.
16. Кузнецов НГ. *На флотах боевая тревога*. Москва: Воениздат; 1971. 320 с.
17. Зудилов ГС. *Отстоим Москву! Фронт. Тыл. Вязники*. Владимир: Транзит-икс; 2007. 148 с.
18. Скоробогатов ВП. *На Астраханском направлении*. Элиста: Калмиздат; 1975. 184 с.
19. Адамович АМ, Гранин ДА. *Блокадная книга*. Санкт-Петербург: Азбука; 2017. 608 с.
20. Белаш ЮС. *Окопные стихи* [Интернет; процитировано 12.09.2022]. URL: <http://kovalevav.ru/Belash.html#p073c>.

⁷В СССР таких было всего три человека.

References

1. Podyachev KV. Patriotic upbringing of youth as a field of interaction between political institutions and civil society in Russian regions. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2015;4(12):126–136. Russian.
2. Shchepan'skii Ya. *Elementarnye ponyatiya sotsiologii* [Elementary concepts of sociology]. Chesnokova VF, translator; Ryvkina RV, editor. Novosibirsk: Nauka; 1967. 247 p. Russian.
3. Aksenova OV. *Paradigma sotsial'nogo deistviya: professionaly v rossiiskoi modernizatsii* [Social action paradigm: professionals in Russian modernisation]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2016. 304 p. Russian.
4. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [The return of the acting man. Outline of sociology]. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 204 p. Russian.
5. Podyachev KV. Studying Russian social development peculiarities and gnoseological paradigms: on the problem of methodology basis of contemporary sociological investigations. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2018;18(4):366–372. Russian. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372.
6. Khalii IA, editor. *Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Updated values of modern Russian society]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2015. 273 p. Russian.
7. Grechko AA, editor. *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945. Tom 3* [History of World War II, 1939–1945. Volume 3]. Moscow: Voenizdat; 1974. 504 p. Russian.
8. Vasilevskii AM. *Delo vsei zhizni: vospominaniya* [Life's work: memories]. Moscow: Politizdat; 1973. 607 p. Russian.
9. Stokov AA, editor. *Istoriya voennogo iskusstva* [History of military art]. Moscow: Voenizdat; 1966. 3 vol. Russian.
10. Zdravomyslov AG. *Pole sotsiologii v sovremennom mire* [The field of sociology in the modern world]. Moscow: Logos; 2010. 410 p. Russian.
11. Rzhetskaya EM. *Berlin, mai 1945. Zapiski voennogo perevodchika* [Berlin, May 1945. Notes of a military translator]. Moscow: Izdatel'stvo DOSAAF SSSR; 1975. 240 p. Russian.
12. Grechko AA, editor. *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945. Tom 4* [History of World War II, 1939–1945. Volume 4]. Moscow: Voenizdat; 1975. 536 p. Russian.
13. Vert N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [History of the Soviet state. 1900–1991]. Moscow: Progress-akademiya; 1995. 544 p. Russian.
14. Khosking Dzh. *Istoriya Sovetskogo Soyuz. 1917–1991* [History of the Soviet Union. 1917–1991]. Moscow: Vagrius; 1995. 512 p. Russian.
15. Rokossovskii KK. *Soldatskii dolg* [Soldier's duty]. Moscow: Voenizdat; 1968. 384 p. Russian.
16. Kuznetsov NG. *Na flotakh boevaya trevoga* [In the fleets, combat alert]. Moscow: Voenizdat; 1971. 320 p. Russian.
17. Zudilov GS. *Otstoim Moskvu! Front. Tyl. Vyazniki* [We will defend Moscow! Front. Rear. Vyazniki]. Vladimir: Tranzit-iks; 2007. 148 p. Russian.
18. Skorobogatov VP. *Na Astrakhanskom napravlenii* [On the Astrakhan direction]. Elista: Kalmizdat; 1975. 184 p. Russian.
19. Adamovich AM, Granin DA. *Blokadnaya kniga* [Blockade book]. Sankt-Peterburg: Azbuka; 2017. 608 p. Russian.
20. Belash YuS. *Okopnye stikhi* [Internet; cited 2022 September 12]. URL: <http://kovalevav.ru/Belash.html#p073c>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2022.
Received by editorial board 31.08.2022.